

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.024
УДК 929 Наполеон (44)*1 + 94(430) +
+ 355(44)“1799/1815”

В. Н. Земцов
*Уральский государственный
педагогический университет*
Екатеринбург, Россия

НАПОЛЕОН В ДРЕЗДЕНЕ: КАНУН РУССКОГО ПОХОДА

На основе хроникального воспроизведения обстоятельств конгресса германских монархов, созванного Наполеоном в Дрездене в мае 1812 г., сделана попытка представить последствия этого события для исхода русской кампании и в целом для общеевропейской ситуации. Автор приходит к выводу, что результаты грандиозного дрезденского спектакля оказались во многом противоположны тем задачам, которые Наполеон определил и которые, как ему казалось, были успешно реализованы. Во-первых, собрание монархов не ввергло русского императора в трепет, но скорее наоборот укрепило его в готовности бороться с всеевропейским вторжением до победного конца. Во-вторых, укрепление союзнических отношений Франции с Австрией и Пруссией во многом оказалось только временным и до известной степени декларативным. Затянутость по времени русской кампании и отсутствие ожидавшихся сообщений о начале мирных переговоров с русским императором резко изменили к концу 1812 г. настроения в Берлине и Вене. В-третьих, иллюзии Наполеона в отношении позиций Турции и Швеции в ходе предстоящей войны с Россией не только не развеялись, но, благодаря видимому блеску дрезденских событий, только укрепились. В-четвертых, расчеты Наполеона на предмет введения российского двора в заблуждение по поводу истинных намерений французского императора не дали ожидаемых результатов. Более того, они обернулись против него самого. Рассчитывая на скоротечную кампанию, Наполеон несколько раз откладывал начало военных действий, что в конечном итоге, при краткости теплого времени года, стало одной из причин поражения Великой армии в 1812 г. Наполеон, начиная с дрезденского свидания, втягивался в ловушку, которую он сам и создал. Ослепленный величием своей власти, он терял способность к взвешенной оценке собственных возможностей, вероятных действий противника и колеблющихся участников большой европейской игры, а также объективных природных и географических факторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Наполеон; кампания 1812 г.; европейская дипломатия; конгресс монархов в Дрездене.

Ц и т и р о в а н и е: *Земцов В. Н.* Наполеон в Дрездене: канун русского похода // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 37–52.

*Поступила в редакцию 25.03.2019
Принята к печати 18.04.2019*

Vladimir N. Zemtsov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

NAPOLEON IN DRESDEN: THE EVE OF THE RUSSIAN CAMPAIGN

Referring to a factual presentation of the circumstances of the Congress of German monarchs organised by Napoleon in Dresden in May 1812, the author attempts to describe the consequences of the event for the outcome of the Russian campaign and the overall European situation. The author concludes that the results of the Grand Dresden performance were in many ways opposite to the tasks that Napoleon defined and which, as it seemed to him, were successfully implemented. First, the meeting of the monarchs did not evoke awe in the Russian Emperor, but rather made him more assured in his wish to fight European invasion to the bitter end. Secondly, the strengthening of France's allied relations with Austria and Prussia was in many ways only temporary and, to a certain extent, declarative. The delay in the Russian campaign and the absence of expected reports of the beginning of peace talks with the Russian Emperor dramatically changed the mood in Berlin and Vienna by the end of 1812. Thirdly, Napoleon's illusion in relation to the positions of Turkey and Sweden in the forthcoming war with Russia not only remained but appear to have strengthened due to the seeming success of the Dresden events. Fourthly, Napoleon's intentions to mislead the Russian court as regarded his true intentions did not bring the results he had expected. Moreover, they turned against him. Counting on a fleeting campaign, Napoleon repeatedly postponed the beginning of hostilities, which ultimately became one of the reasons for the defeat of the Grande Armée in 1812 in the conditions of a short warm season. Napoleon, starting with the Dresden meeting, was drawn into a trap that he himself, in many ways, had created. Increasingly blinded by the greatness of his power, he lost the ability to weigh his own capabilities, the probable actions of the enemy, the hesitant participants in the great European game, and objective natural and geographical factors.

Key words: Napoleon; campaign of 1812; European diplomacy; Congress of monarchs in Dresden.

Citation: Zemtsov, V. N. (2019). Napoleon v Drezdene: kanun russkogo pokhoda [Napoleon in Dresden: The Eve of the Russian Campaign]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 37–52.

Submitted on 25 March, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Вечером 18 мая¹ 1812 г., по случаю впечатляющего воображение съезда европейских монархов в Дрездене, в резиденции саксонского короля Фридриха-Августа, так называемом Замке, был дан большой обед. Помимо императора Франции Наполеона и императрицы Марии-Луизы, всей саксонской королевской фамилии, на нем были император и императрица Австрии, королева Вестфалии, великий герцог Вюрцбургский и множество иных высородных

¹ Все даты даны по новому стилю.

и высокопоставленных особ, представлявших германские государства (позже к избранному обществу добавился король Пруссии Фридрих-Вильгельм и прусский кронпринц). По окончании обеда хозяева и их высокие гости перешли в апартаменты саксонской королевы Амалии, откуда открывался восхитительный вид на Дворцовую площадь, реку Эльбу, мосты через нее и Новый город, чтобы насладиться видом великолепной иллюминации [Journal de l'Empire, 1812, 31 Mai; 2 Juin]. Этот восхитительный майский вечер 1812 г. станет своего рода высшим воплощением могущества Наполеона и его империи. Немногим более чем через полгода, 14 декабря, в 2 часа ночи, император Франции вновь появится в этом городе, но на этот раз без фанфар, почти инкогнито, в сопровождении всего нескольких человек свиты.

Впервые события, имевшие место в Дрездене в мае 1812 г., получили беглое освещение и оценку в книге Ф. П. Сегюра, вышедшей в 1824 г. [Ségur, p. 107–115], затем А. Ж. Ф. Фэна, секретаря-архивиста Наполеона [Fain, p. 61–78]. Более глубокий анализ был дан Л. А. Тьером, по мнению которого, промедление с открытием военных действий явилось одной из причин неудачи кампании 1812 г. [Thiers, p. 504–533]. Наконец, этот сюжет в общем контексте дипломатической борьбы и подготовки к большой войне представил А. Вандаль [Vandal, p. 338–445], после которого у последующих исследователей встречались, в лучшем случае, только упоминания о встрече монархов в Дрездене в 1812 г.

Еще более скромно выглядит отечественная историография. «Время, проведенное Наполеоном в Дрездене, было блистательнейшей эпохой его могущества. Окруженный властителями, собравшимися по его призыву, он являлся средоточием надежд и опасений почти всей Европы», — констатировал М. И. Богданович [1859, с. 86–87]. Как о грандиозной антирусской демонстрации упомянул об этом событии Е. В. Тарле [1959, с. 471].

Наше обращение к дрезденскому съезду 1812 г. основывается большей частью на хроникальном воспроизведении событий. Подобный подход позволяет выявить взаимосвязь настроений французского императора накануне и в ходе дрезденского конгресса с теми решениями, которые он принимал. Важной предпосылкой реализации такого рода подхода является издание 12-го тома «Общей корреспонденции» Наполеона [Napoléon Bonaparte, t. 12], что вместе с периодической печатью [Le Moniteur universel; Journal de l'Empire] и рядом неопубликованных документов из французских архивов [AN; AD; SHD] позволяет воссоздать убедительную картину событий и отразить последствия судьбоносных для мира майских дней в Дрездене.

Начиная с 1810 г. рост противоречий с Россией все более убеждал Наполеона в неизбежности войны с «северной державой»². Однако продолжавшаяся война в Испании и необходимость масштабной подготовки к борьбе с русскими

² Документы, опубликованные в 2014 г. в новом издании корреспонденции Наполеона, свидетельствуют о том, что французский император принял окончательное решение о систематической подготовке к войне с Россией в начале октября 1810 г. и сориентировал завершение этих приготовлений на март 1812 г. [Napoléon Bonaparte, t. 10, p. 743–748].

заставляли французского императора не спешить и всячески стремиться выиграть время. Наряду с переброской огромных войсковых масс к границам Российской империи, мерами по «умиротворению» Испании, решением многочисленных вопросов по обеспечению безопасности и стабильности внутри самой Французской империи, предстояло создать благоприятную для Франции внешнеполитическую обстановку. Важную роль в усилиях по сплочению верных и не очень верных союзников и по изоляции России должен был сыграть приезд французского императора в Дрезден. Выбор Дрездена был predetermined, во-первых, тем, что король Саксонии как никто другой был последовательным сторонником французского императора и, главное, верховным, хотя и номинальным, правителем великого герцогства Варшавского; во-вторых, Дрезден был выбран как удобный пункт для встречи с австрийским императором Францем. Наполеон, который предложил своей супруге сопровождать его в поездке в саксонскую столицу, был чрезвычайно озабочен привлечением Австрии к антирусской коалиции, тем более в условиях интенсивных контактов Вены с Петербургом.

Собрание приказов и рапортов службы обер-шталмейстера А. О. Л. Коленкура, к которым исследователи ранее не обращались, дает достаточно ясную картину подготовки к поездке Наполеона в Дрезден: император принял решение о поездке не позднее конца января 1812 г. [AN, 95 AP 88–90; 184 AP/1]. При этом к середине февраля, помимо Дрездена как пункта назначения, стал фигурировать и Данциг; были определены два варианта движения императора — в Данциг из Дрездена и непосредственно на Данциг, минуя саксонскую столицу. Судя по переписке министра иностранных дел Франции Ю. Б. Маре, герцога Бассано, с Л. Г. Отто, французским послом в Вене, Наполеон хотел выехать вместе с императрицей из Парижа в Дрезден в первой половине апреля [Ernouf, p. 357–368]. После свидания там с императором Францем и императрицей Марией Людовиковой он собирался в начале мая быть на Висле и начать кампанию. Однако в конце марта Наполеон убедился, что Александр не намерен первым предпринимать наступательные действия, и французский император заключил, что у него есть еще достаточно времени, чтобы провести в Дрездене две-три недели и «представить Европе картину могущества, невиданного и во времена Карла Великого, Цезаря и Александра» [Vandal, p. 338]. Для того чтобы окончательно гарантировать себя от внезапного начала военных действий со стороны русских, Наполеон решает отправить к Александру I генерал-адъютанта Л. Нарбонна. Главной задачей генерал-адъютанта было доставить в Вильно послания к Александру I и канцлеру Н. П. Румянцеву, а затем привезти Наполеону на них ответ. Нарбонну было предложено говорить, будто он выехал из Берлина 24 апреля и еще не осведомлен о письме Александра, которое в Париже расценили как «ультиматум» [AD, f. 343–347]. Письмо Александру и нота, адресованная Румянцеву, также были помечены не 3 мая, когда были написаны, а 25 апреля [Napoléon Bonaparte, t. 12, p. 517]³.

³ В архиве МИД Франции сохранился черновик этого письма, написанный рукой Бассано. На полях стоит пометка «Отправлено 3 мая» [AD, f. 333].

Утром 9 мая в 6 часов утра император и императрица покинули Сен-Клу. Императорский поезд проследовал через Шалон-сюр-Марн, Мец, Майнц, Франкфурт, Ашаффенбург, Вюрцбург, Бамберг, Байройт. Весь путь его следования был подобен триумфальному шествию — цветы, оркестры, войска, выстроенные шпалерами по улицам городов, толпы ликующего народа, раболепствующие владетельные особы германских государств... 16 мая, в 8 лье от Дрездена, во Фрайберге, их приезда уже давно ожидали король и королева Саксонии. Король Фридрих Август категорически отказывался пойти спать, пока не встретит императора и императрицу. Кое-как он устроился на стульях и приказал министру иностранных дел барону Зенфту немедленно доложить ему, когда императорская чета приедет. Императорский поезд прибыл около 6 часов вечера. Состоялся обед, после которого император и императрица Франции, король и королева Саксонии выехали через Херцогенвальд в Дрезден, куда и прибыли в 10.30 вечера при звоне колоколов и грохоте артиллерийских залпов. К полуночи Наполеон и Мария-Луиза подъехали к Дрезденскому замку, где были встречены расставленной по лестнице швейцарской гвардией в причудливых старинных костюмах и с алебардами в руках. Императорская чета расположилась в Дрезденском замке, в старых апартаментах, названных в честь Августа II [Le Moniteur universel, 24 Mai; Journal de l'Empire, 25 Mai; Caulaincourt, p. 330, n. 4; Bausset, p. 58; Schuermans, p. 358; Tular, Garros, p. 367–368; Vandal, p. 402–403].

17 мая, в воскресенье утром, император принял короля Саксонии и общался с ним около часа. Затем ему были представлены саксонские министры, офицеры и сановники двора королевства Саксонии, и он приветствовал принцев Веймара, Саксен-Кобурга и Дессау.

Ближе к полудню в апартаментах императора Франции была отслужена торжественная месса, а затем состоялось представление дипломатического корпуса, аккредитованного при саксонском дворе. Среди прочих был русский посланник В. В. Ханыков. Французский император приветствовал его особенно радушно [Le Moniteur universel, 24 Mai; Schuermans, p. 358; Tular, Garros, p. 368]. В этот день императору удалось поработать с бумагами. Известно о восьми его письмах и одной пометке. Все они были связаны с подготовкой похода в Россию [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30623–30630; Chuquet, t. 3, p. 576; AN, AP/4 Dossier 1].

18 мая в 13 часов дня в Дрезден прибыли император и императрица Австрии. Они были встречены орудийными залпами, колокольным звоном и приветственными криками жителей, толпившихся по пути следования их поезда. Австрийская императорская чета расположилась в том же замке, где остановились Наполеон и Мария-Луиза. Первая встреча двух императоров началась достаточно церемонно [Thiers, p. 508; Vandal, p. 407]. Но лед быстро растаял, как только Мария-Луиза бросилась в объятия к своему отцу, а император Франц не смог скрыть своей радости [Fain, p. 62].

Накануне и в день 18 мая в Дрездене шли спешные приготовления к огромной иллюминации. Большие работы производились и в большом зале

Оперы — здесь должен был состояться праздник с приглашением 6 тыс. человек. Между тем в «обычном зале» Оперы продолжались приготовления к исполнению нескольких опер Ф. Паэра и Ф. Морлакки [Journal de l'Empire, 31 Mai]. В 8 часов вечера в апартаментах саксонского короля был дан большой обед. Помимо императора и императрицы Франции, императора и императрицы Австрии, королевы Вестфалии, великого герцога Вюрцбургского, всей фамилии саксонского короля, на обеде был весь Двор и дипломатический корпус. Музыка в исполнении капеллы саксонского короля сопровождала весь обед. После окончания обеда хозяева и их избранные гости наслаждались видом великолепной иллюминации. К 18 мая относятся только 4 письма императора и несколько пометок, оставленных им на бумагах. Все они, как и ранее, были связаны с подготовкой русского похода [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30631–30634; Chuquet, t. 2, p. 274–275].

19 мая в час дня Наполеон посетил королеву Вестфалии, а в 8 вечера дал большой обед, на котором присутствовали император и императрица Австрии, королевское семейство Саксонии, королева Вестфалии, великий герцог Вюрцбургский и другие высокопоставленные особы [Journal de l'Empire, 26 Mai]. Известно только одно письмо Наполеона, помеченное 19 мая. Оно было адресовано начальнику Главного штаба Великой армии Л. А. Бертье. В нем шла речь о резервной дивизии генерала Ж. Лагранжа, которая должна была прибыть 1 июня в Магдебург [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30635]. Однако, без сомнения, и 19 мая Наполеон работал, как обычно, очень интенсивно. Об этом свидетельствуют две надписи, оставленные Наполеоном на документах: он просит у Бертье сведения о ситуации в 9-м корпусе, а на рапорте начальника артиллерии Великой армии Ж. А. Бастона де Ларибуазьера, который он тоже переправляет Бертье, пишет об укреплениях и вооружении Шпандау [Chuquet, t. 2, p. 275–276; SHD, 125, Бертье — Наполеону, Дрезден, 18 мая 1812 г.]. В фондах Исторической службы Министерства обороны Франции сохранилось несколько документов, подготовленных Бертье 18 мая и просмотренных Наполеоном 19-го, из которых следует, что император обсуждал вопросы о составе 1-й резервной пехотной дивизии и о движении одного из маршевых полков из Парижа на Майнц [SHD, 125, Бертье — Наполеону. Дрезден, 18 мая 1812 г. (два письма)].

20 мая в 4 часа дня император Франции впервые решил отправиться по окрестностям Дрездена и проехал «вплоть до королевских виноградников Финдлатера». Затем состоялся большой обед. Вечером высокие хозяева и высокие гости Дрездена присутствовали на опере Паэра «Sargines». Перед оперой итальянские певцы в сопровождении королевской капеллы исполнили кантату на музыку Морлакки, посвященную августейшим особам. Сцена была украшена изображением большого сверкающего солнца и надписью «Менее великое и менее прекрасное, чем он», на что Наполеон бросил через плечо: «Эти люди ошибаются, думая, что я глупец! (*Il faut que ces gens me croient bien bête!*)» [Journal de l'Empire, 31 Mai; 2 Juin; Schuermans, p. 358; Tular, Garros, p. 368]. Как и ранее, город был великолепно иллюминирован.

Известны четыре письма императора за 20 мая. Три письма были для Бертье, одно для военного министра А. Ж. Г. Кларка [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30636–30638, 30640]. Они были посвящены передвижению и укомплектованию войск, предназначенных для вторжения в Россию. Тогда же Наполеон предложил Маре написать Ж. Лористону, французскому послу в Санкт-Петербурге, чтобы тот потребовал допустить его к особе царя, отбывшего в Вильно [Fain, p. 67–68]. Бассано в тот же день отправил Лористону письмо, а вместе с ним копии нот, связанных с требованием русским послом паспортов. Это, как пояснял Бассано, фактически означает объявление войны. Бассано предложил потребовать, чтобы Лористону дали возможность поехать в Вильно к Александру I и информировать о нотах, представленных русским послом. Если же Лористону в поездке откажут, следовало тотчас же дать знать об этом курьером в Париж, а самому подготовиться к отъезду из России [AD, f. 398–405]. Фэн, который был хорошо осведомлен о работе императора в те дни, свидетельствует, что, по расчетам Наполеона, действия Лористона позволили бы усыпить бдительность русских и выиграть еще несколько недель. Французский император был убежден, что успех экспедиции в Россию не мог быть более определенным, чем в тот момент. Наполеон заявлял, что он находится во главе несметных сил Франции, Италии, Рейнской конфедерации и Польши, и что если раньше Австрия и Пруссия были против него, то сейчас они на его стороне. Наконец, увлеченный своей собственной речью, Наполеон произнес: «А почему бы не присоединиться еще Турции и Швеции? Турки воспользуются моментом, чтобы возобновить военные действия против русских; Бернадот (Карл-Юхан, наследник шведского престола. — В. З.) колеблется, это правда, но он француз; и он вспомнит об этом при первом орудийном выстреле и не откажется от прекрасной возможности для Швеции взять реванш за Карла XII». В тот же день Наполеон написал маршалу Э. Ж. Ж. А. Макдональду, который командовал войсками, находившимися в шведской Померании: «Следует продолжать общаться со шведами по-дружески. Дела [в отношении их] еще не решены» [Fain, p. 67–69; p. 69, n. 1].

21 мая, после обычного приема в 9 часов утра, весь день был заполнен у Наполеона работой. Из 20 писем, продиктованных Наполеоном в тот день, 10 были адресованы Бертье. Все они были связаны с вопросами предстоящей русской кампании. Камиллю Боргезе, мужу сестры Наполеона Полины, который был генерал-губернатором Заальпийского департамента (au-delà des Alpes), дал задание перевезти из Савоны, где стало небезопасно из-за английских кораблей, папу Пия VII в Фонтенбло. Шесть писем предназначались для Кларка и были связаны с организацией армии. Императорскому ординарцу д'Опулю предлагалось срочно ехать в Варшаву, дабы представить затем рапорт в отношении ситуации в Замостье. Сохранилась также пометка, сделанная на рапорте генерала М. Э. Жерара по поводу депо 4-го, 7-го и 9-го польских полков в Седане, остатки которых должны были быть перенесены в Позен [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30642–30659; Chuquet, t. 2, p. 279].

22 мая французский император дал большой обед. В тот же день им было продиктовано не менее 8 писем. Пять из них предназначались для Бертье. Наполеон забрасывает начальника Главного штаба вопросами и требованиями (сообщить, где находится Главная квартира, прислать новые данные о состоянии армии, о решении предоставить Саксонии миллионный заем, предназначенный для польской армии, и т. д.). Господину Буркхарду, ландаманну Швейцарской конфедерации, было сообщено, что вводятся в действие условия нового соглашения с его страной, предполагавшего увеличение воинского контингента, состоявшего на службе Франции [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30661–30666]. Сохранились также пометки, оставленные Наполеоном на различных бумагах: о передислокации из Мариенбурга в Эльбинг депо кавалерии; об укомплектовании нового батальона 113-го линейного полка; о размещении в школе Сен-Жермен 22 молодых людей из богатых фамилий для прохождения ими ускоренного курса офицерской подготовки; и т. д. [Chuquet, t. 3, p. 576–577].

23 мая в час дня Наполеон нанес визит императору Австрии. Очевидно, судя по количеству писем (16), продиктованных в тот день, Наполеон сосредоточился на работе с бумагами. Четыре письма и одна маленькая записка были адресованы Бертье: Наполеон требовал развести маршруты движения войск 4-го и 5-го корпусов; отправить приказ генералу Ж. Раппу, дабы тот «определился» с состоянием судов, находившихся между Данцигом и Эльбингом, на предмет использования их для переброски грузов, в том числе по Неману; о сосредоточении войск Берга в шведской Померании; отдать приказ маршалу Л. Н. Даву о начале движения 1-го кавалерийского корпуса; о сооружении к 1 июня мостов на пилонах; о начале 1 июня движения осадного экипажа к Эльбингу; и т. д. [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30669–30671; *Lettres sans texte*, p. 1328]. Девять писем были к Кларку и также касались различного рода вопросов подготовки Русской кампании. В письме к Ж. Ж. Лакюэ де Сессаку, министру Военной администрации, Наполеон писал об обеспечении лошадьми драгунских полков. К Маре был переправлен рапорт в отношении магазинов в Кольберге [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30675–30683].

24 мая, в воскресенье, в Троицу, Наполеон в полдень был в придворной часовне, где отслушал мессу, которую служил Д. Ж. Ф. де Прадт, архиепископ Мехеленский, духовник императора [Journal de l'Empire, 7 Juin]. Вечером Наполеон дал большой обед, после которого около 10 часов коронованные особы перебрались в зал дворцового театра. Великолепная зала была освещена более чем 5 тыс. свечей. Публика блистала золотом и бриллиантами. Концерт продолжался недолго — в течение одного часа; при этом был и короткий антракт, во время которого Наполеон встал и «приветливо разговаривал с многочисленными дамами» [Ibid.].

24 мая Наполеон продиктовал только 5 писем. Два письма предназначались Бертье. Одно из них касалось формирования дивизии генерала Э. Эделе де Бьер; второе — необходимости наведения двух мостов «через Неман напрямую от Тильзита». Два письма были для Кларка: одно касалось организации

резервных дивизий; второе — передвижения полка № 6 Рейнской конфедерации и 3-го батальона 125-го линейного полка. Наконец, одно письмо было для адъютанта императора А. Ж. О. А. Дюронеля и касалось главным образом переброски понтонных экипажей, осадных экипажей, артиллерии и прочего к Эльбину [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30685–30689].

25 мая в 10 часов утра коронованные особы отправились на охоту в Морицбург, в королевские угодья, находившиеся к северо-востоку от Дрездена. Кorteж медленно проследовал по мосту через Эльбу, сопровождаемый приветственными кликами публики. Наполеон, облаченный в простой костюм для охоты, был в первом экипаже; справа от него сидел император Франц. В Морицбурге коронованные особы завтракали и охотились на кабана. Возвратились в Дрезден в 4 часа пополудни [Journal de l'Empire, 2 Juin; 7 Juin; Le Moniteur universel, 1 Juin; Schuermans, p. 359]. В тот день Наполеон мало занимался бумагами. Сохранилась только одна пометка: об ответственности полковника 46-го линейного полка за некомплект в ротах [Chuquet, t. 2, p. 282].

Очевидно, что важнейшей целью дрезденской встречи для Наполеона было укрепление отношений с Австрией. Французский император хорошо осознавал раздвоенность положения Австрии, которая до недавнего времени безрезультатно пыталась показать себя посредником во французско-русских делах. Подписав договор с Францией, по которому австрийцы обязались выделить 30-тысячный воинский контингент в случае войны Наполеона с Россией, они, тем не менее, продолжали занимать выжидательную позицию. Поэтому Наполеону было важно повлиять в Дрездене на настроения трех особ — императора Франца, его супруги Марии Людовики и, конечно же, министра иностранных дел Австрии К. В. Л. Меттерниха. «Император пустил в ход все средства, чтобы обойти Меттерниха, — свидетельствовал Коленкур, — в частности, он хотел создать слух о своей умеренности и о своем желании получить через де Нарбонна те объяснения, в которых русский император отказал Австрии, дабы примирить всех, не прибегая к враждебным действиям» [Caulaincourt, p. 330–331]. Император Франц поддался «миролюбивым» уверениям Наполеона (лелея, в том числе, и надежду воспользоваться результатами победы французской стороны) и стал давать обещания, хотя и достаточно осторожные, о готовности увеличить в случае войны с Россией свой воинский контингент.

Сложнее обстояло дело с Марией Людовикой, третьей супругой императора Франца, происходившей из моденского рода д'Эсте, которая не могла простить Наполеону лишение трона своей родни, да и собственные унижения во время кампании 1809 г. Несмотря на все знаки внимания со стороны Наполеона и на многочисленные дорогие безделушки, которыми ее одаривала падчерица, Мария Людовика не поддавалась чарам своего зятя. В целом, решительных перемен в позиции Австрии так и не произошло.

Что касается взаимоотношений с Пруссией, то союзный договор с Берлином Парижу удалось подписать даже на три недели раньше, чем договор с Австрией (24 февраля и 14 марта 1812 г. соответственно), и это несмотря на то,

что пруссаки, остро осознавая унижительность своего положения, длительное время вели закулисные переговоры с Петербургом на предмет совместного выступления против Наполеона. По договору с Францией от 24 февраля, Пруссия брала на себя обязательства поставить продовольствие союзным войскам, проходившим по ее территории. Само по себе это легло тяжким бременем на Пруссию. Более того, выяснилось, что Наполеон, помимо контроля над Штеттином, Кюстрином, Глогау, Магдебургом и Гамбургом, попытался оккупировать Шпандау для контроля над Берлином, а также и Пиллау, что не оговаривалось условиями договора. Французские маневры в отношении Шпандау и Пиллау посеяли в голове прусского короля Фридриха-Вильгельма III самые серьезные опасения по поводу дальнейших действий Наполеона в отношении прусского королевства. Поэтому Фридрих-Вильгельм, желая как можно скорее развеять эти страхи и добиться определенности, горел желанием встретиться с Наполеоном. Желал этой встречи и французский император: следовало успокоить своего ненадежного союзника накануне открытия военных действий с Россией.

Первоначально было условлено, что Наполеон, покинув Дрезден и двигаясь к армии, проедет через Берлин, и Фридрих-Вильгельм уже начал энергично готовиться к приему высокого гостя. Однако Наполеон переменял свое решение и избрал иную дорогу для движения к армии — на Позен. Наконец, когда стало ясно, что при отсутствии прусского короля блистательному собранию германских вассалов Наполеона в Дрездене не хватает некоей полноты и завершенности, в Берлин был отправлен посланец с целью передать прусскому королю приглашение прибыть в саксонскую столицу. Фридрих-Вильгельм немедленно отправился в Дрезден.

26 мая, около полудня, он прибыл в столицу Саксонии. Король расположился во дворце Ташенберг [Schuermans, p. 359], который сообщался переходом с замком. Вскоре после прибытия прусского короля Наполеон нанес ему визит. Беседа продолжалась примерно полчаса [Ibid.; Tular, Garros, p. 369].

В течение 26 мая император продиктовал не менее 16 писем. Четыре письма были адресованы Бертье. Они касались мер по обороне Пиллау и Кёнигсберга, переброски партий оружия для Великой армии, движения всех частей и подразделений гвардии на Позен, а также включения батальона, идущего из Голландии на Берлин, в 123-й линейный полк. Шесть писем предназначались для Кларка: о том, как должны были быть распределены природные французы по частям и подразделениям Национальной гвардии; о необходимости немедленного прибытия генерала Т. Гогендорпа в Большую главную квартиру императора и о множестве других подобных им вопросов. Даву было указано на важность переброски в Эльбинг к 1 июня понтонного и осадного экипажей [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30690–30700].

О своих предполагаемых передвижениях Наполеон сообщил Э. Богарне, а также определил порядок передвижения корпусов последнего к Торну. При этом Ю. А. Понятовский со своим корпусом должен был двигаться справа, а маршал М. Ней с 3-м армейским корпусом слева от войск Богарне. Указания

на движение были даны и королю Жерому, который вел 5-й, 7-й и 8-й корпуса. Маршалу Н. Ш. Удино, командовавшему 2-м корпусом, предписывалось провести ревю и прояснить состояние всех частей и служб, а также сделать большой запас муки в Гуттштадте [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30702, 30704–30705].

Судя по множеству бумаг Бертье, сохранившихся в фондах Исторической службы Министерства обороны Франции, 26 или 27 мая Наполеон рассмотрел еще ряд вопросов. Часть из них касалась Австрийского вспомогательного корпуса [SHD, 125, Бертье — Шварценбергу. Дрезден, 26 мая 1812 г. (три письма)]. Два письма Бертье отправил Макдональду на предмет взаимодействия его войск с датчанами [Ibid., Бертье — Макдональду. Дрезден, 26 мая 1812 г. (два письма)]. Была обсуждена проблема обороны Пиллау [Ibid., Бертье — Наполеону. Дрезден, 26 мая 1812 г.]. Удино было предложено отправить в Гуттштадт инженерного офицера и роту саперов, и сконцентрировать там значительные запасы муки [Ibid., Бертье — Удино. Дрезден, 26 мая 1812 г.]. Был обсужден вопрос о вооружении и боеприпасах 8-го (вестфальского) армейского корпуса [Ibid., Бертье — Наполеону. Дрезден, 26 мая 1812 г.], а также целый ряд других вопросов — о снабжении солдат в госпиталях ружьями и тесаками, об отправке в Берлин ганноверского батальона пешей артиллерии; и т. д. [Ibid., Бертье — Наполеону. Дрезден, 26 мая 1812 г. (четыре письма)].

26 мая король Саксонии, по настоянию Наполеона, подписал декрет о создании правительства герцогства Варшавского, что формально означало предоставление этому образованию автономии, а реально — установление более непосредственного контроля над ним со стороны Франции.

27 мая в 11 часов утра император Наполеон принял короля Пруссии и наследного принца, прибывших в 4 часа утра в город. Они были встречены Наполеоном с приветливостью [Journal de l'Empire, 8 Juin; Schuermans, p. 359; Tular, Garros, p. 369]. Когда Фридрих-Вильгельм громко стал произносить уверения в прочности той системы, которая объединяет Францию и Пруссию, французский император поспешил рассеять страхи, которые, как было заметно, одолевали короля. Наполеон заверил Фридриха-Вильгельма, что занятие французскими войсками Шпандау и Пиллау было только мерой предосторожности, согласился компенсировать стоимость продовольствия, реквизированного проходившими через Пруссию войсками Великой армии, а главное, пообещал территориальные приращения в случае успешного исхода войны с Россией [Thiers, p. 529–530].

В 13.45 Наполеон отправился на прогулку. Он пересек мост Цвингер, проехал пригороды, возвратился обратно по мосту из лодок. Возле Фрауенкирхе сошел с лошади, вошел вовнутрь и осмотрел ее. Возвратился в Замок в 15.15. Вечером состоялся большой обед у короля Саксонии [Journal de l'Empire, 8 Juin; Schuermans, p. 359; Tular, Garros, p. 369]. Плодом работы Наполеона в тот день стало не менее 20 писем. Пять из них предназначались Бертье. Наполеон сообщал начальнику штаба о приказе Ларибуазьеру быть готовым соорудить к первым числам июня «перед высотой Тильзита» три моста, один из которых — на лодках и два моста на сваях; Раппу следовало отправить приказ подготовить

план защиты Фриш-гафа и Пиллау; генералу Ф. Роге, командиру гвардейской дивизии, предписывалось как можно скорее прибыть на Вислу; и т. д. [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30706–30710].

Восемь писем были для Кларка. Речь в них шла о передислокации войск внутри империи в связи с предстоящим походом в Россию. Одно письмо было для Маре и касалось необходимости обсуждения с прусским канцлером Гарденбергом вопроса о гарнизонах в Пиллау и Шпандау, а также защиты Кольберга. Наконец, два письма были адресованы королю Саксонии и касались завершения миссии Л. П. Э. Биньона, резидента Франции (параллельно — главы разведывательного бюро) в великом герцогстве Варшавском, находившегося там с 1810 г., и аккредитации вместо него Прадта, архиепископа Мехеленского [Ibid., № 30711–30721]. Прадт должен был сыграть роль наместника французского императора в Варшаве и, с одной стороны, вызвать патриотический подъем, мобилизовать ресурсы герцогства для борьбы с Россией, а с другой стороны, контролировать этот всплеск патриотических чувств, чтобы не ухудшить отношений с Пруссией и с Австрией, а в случае необходимости — чтобы можно было найти взаимоприемлемое соглашение и с Россией.

28 мая стало фактически последним днем пребывания Наполеона в Дрездене. В этот день «почтовая карета, вся в пыли, въехала во двор замка» [Fain, p. 76] — из Вильно вернулся Нарбонн. Ему, в отличие от Лористона, удалось встретиться в Вильно с Александром I. Нарбонн, как известно, вручил Александру I письмо от Наполеона и меморандум Румянцеву от Маре. Александр отказался от переговоров и подтвердил те заявления, которые Наполеону вручил еще 27 апреля русский посол А. Б. Куракин.

Фэн наблюдал, как Наполеон воспринял отчет своего генерал-адъютанта о поездке в Вильно: «Император прогуливался большими шагами, слушая Нарбонна. За рассказом адъютанта последовало долгое молчание. “Итак, — вскрикнул, наконец, император, — все средства услышать друг друга оказались бесполезными! Дух, который завладел русским правительством, ввергает его в войну! <...> Мы не можем более терять времени в безрезультатных переговорах”» [Ibid., p. 77]. Можно вполне согласиться с мнением Тьера: «Из всего рассказанного Нарбонном Наполеона по-настоящему интересовало только повторное заявление Александра относительно того, что он не сделается агрессором и начнет действовать только после нарушения границ. Эти слова позволяли Наполеону в полной безопасности завершить предварительные движения и передвинуться с Вислы на Неман» [Thiers, p. 417].

28 мая, вскоре после получения рапорта Нарбонна и решения о немедленном отъезде, Наполеон уделил значительное время польскому вопросу. Император продиктовал обширные инструкции для Прадта, которые подписал Маре [Napoléon I, t. 23, № 18734]. Главные задачи французского наместника были определены очень ясно: Прадт должен был направить деятельность варшавского правительства на обеспечение Великой армии всеми возможными ресурсами герцогства, держать в курсе дела императора и Главный штаб, способствовать

росту патриотических настроений, в особенности в отношении польских провинций, «фактически оккупированных Россией», для чего созвать сейм и создать общепольскую конфедерацию как своего рода верховный совет вооруженной нации, следить за тем, чтобы патриотическая активность не вредила Пруссии и Австрии, но главное — держать все процессы под контролем и ждать дальнейших указаний.

Как известно, Наполеон в течение всего времени пребывания в Дрездене продолжал надеяться на благоприятное для него изменение позиций Турции и Швеции. Он приказал генералу Ж. П. Ф. Латур-Мобуру, поверенному в делах Франции в Константинополе, во что бы то ни стало помешать заключению турками мира с Россией [Vandal, p. 432] и с удовлетворением узнал, что турецкая армия возобновила военные действия. Между тем, турки сами пытались ввести в заблуждение французов: готовые заключить мир с русскими, они притворно демонстрировали решимость воевать дальше, чтобы вынудить французов «без промедления вступить в кампанию» [Thiers, p. 518–519]. Более того, поездка Нарбонна в Вильно оказала на позицию Турции с точки зрения французских интересов самые отрицательные последствия — «она смутила министров Порты», которые посчитали мирное соглашение Франции и России возможным [Vandal, p. 444–445]. 28 мая в Бухаресте был подписан российско-турецкий мирный договор.

Не более удачно складывались и обстоятельства в отношении Швеции. В течение апреля-мая 1812 г. французы осуществили ряд попыток активизировать связи с Бернадотом. Главную роль в этом должны были сыграть вояжи шведского генерального консула в Париже Э. Синьоля из Франции в шведскую столицу и обратно. 30 мая, когда Наполеон уже покинул Дрезден, туда приехал Синьоль с весьма обнадеживающими, как ему казалось, известиями на предмет установления союзнических отношений между Францией и Швецией. Судя по всему, Бернадот, последовательно сближаясь с Россией, не упускал возможности ввести на этот счет Наполеона в заблуждение.

Примерно в три часа дня Наполеон официально простился с монархами и принцами, находившимися в городе. Вечером он дал по случаю отъезда большой обед.

28 мая Наполеон успел принять еще множество решений, касавшихся движения и организации войск, а также назначений [Chuquet, t. 1, p. 320–321; t. 3, p. 579]. В 12 письмах к начальнику Главного штаба речь шла о размещении 20 артиллерийских рот в тылах Великой армии с указанием, где именно их расположить; об отправке резервных частей в Данциг; о комплектовании 7-й пехотной дивизии, и т. д. [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30722–30733; SHD, 125, Бертье — Шасслу-Лоба. Дрезден, 27 мая 1812 г.]; одно письмо было к Коленкуру с требованием представить в Позене проект организации эстафеты в Прагу для пересылки писем императрице из Главной квартиры и из Парижа. Шесть писем были адресованы Кларку, которому в тот период император давал указания по военной организации внутренних и прибрежных регионов империи,

но также и по укомплектованию Великой армии. Наконец, одно письмо было к Францу I по поводу условий принятия французов на австрийскую службу [Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30740, 30754-30759].

Рано утром 29 мая Наполеон покинул Дрезден. Каких-либо официальных церемоний не проводилось. В 11 часов, остановившись в Райхенбахе, он набросал записку Марии-Луизе. Император убеждал супругу быть веселой и писал, что разлука их продлится недолго. 1 июня, будучи уже в Позене, он прямо напишет ей, что «в три месяца все будет закончено» [Napoléon, p. 28, 30; Napoléon Bonaparte, t. 12, № 30741, 30789].

Подведем итоги. 12 дней и 13 ночей, проведенных Наполеоном в Дрездене в мае 1812 г., имели для предстоящей войны с Россией самые серьезные последствия. Грандиозный спектакль, разыгранный в саксонской столице, должен был сыграть важную роль в плане дипломатической, военной и информационно-психологической подготовки к предстоящей кампании, открытие которой, судя по переписке французского императора, было им уже predetermined. Однако результаты дрезденского спектакля оказались во многом противоположны тем задачам, которые Наполеон определил и которые, как ему казалось, были успешно реализованы.

Во-первых, собрание монархов в Дрездене не свергло русского императора в трепет, но наоборот, как показал уже визит Нарбонна в Вильно и последующие события, укрепило его в готовности бороться с всеевропейским вторжением, используя те преимущества страны, на которые можно было рассчитывать, до победного конца.

Во-вторых, укрепление союзнических отношений Франции с Австрией и Пруссией во многом оказалось только временным и, до известной степени, декларативным. Воздействие обволакивающего обаяния личности Наполеона, сочетавшееся с неприкрытым и циничным нажимом, вскоре после дрезденской встречи стало рассеиваться. Затянутость по времени русской кампании и отсутствие столь ожидаемых сообщений о начале мирных переговоров с русским императором резко изменили к концу 1812 г. настроения в Берлине и Вене. В дальнейшем, ко второй половине 1813 г., это приведет к полной внешне-политической изоляции Франции.

В-третьих, иллюзии Наполеона в отношении позиций Турции и Швеции в ходе предстоящей войны с Россией не только не развеялись, но, благодаря видимому блеску дрезденских событий, только укрепились.

В-четвертых, тонкие, как казалось Наполеону, расчеты на предмет введения российского двора в заблуждение по поводу истинных намерений французского императора не дали ожидаемых результатов. Более того, они обернулись против него самого. Рассчитывая на скоротечную кампанию, Наполеон несколько раз откладывал начало военных действий. Одной из важных причин поражения Великой армии в 1812 г. будет позднее начало военных операций.

В сущности, Наполеон уже с дрезденского свидания втягивался в ту ловушку, которую он сам во многом и создавал. Все более ослепляемый величием своей

власти, он терял способность к взвешенной оценке собственных возможностей, вероятных действий противника, колеблющихся участников большой европейской игры, а также объективных природных и географических факторов.

Источники

- AD. Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie». Vol. 154.
AN. 95 AP 88–90. Maison de l'Empereur et Roi. Service du Grande Ecuyer. Ordres et Rapportes. Année 1810, 1811, 1812.
AN. 184 AP/1. Dossier de Duroc. № 68.
AN. AP/4 Dossier 1.
Bausset L. F. J. Mémoires anecdotiques... Bruxelles : H. Tarlier, 1827. T. 2.
Caulaincourt A. A. L. Mémoires. Paris : Plon, 1933. T. 1.
Chuquet A. Ordres et apostilles de Napoléon. Paris : Champion, 1912. T. 1–3.
Ernouf A. Maret, duc de Bassano. Paris : Perrin, 1884.
Fain A. J. F. Manuscrit de 1812. Paris : Delaunay, 1827. T. 1.
Journal de l'Empire. 1812. 25 Mai; 26 Mai; 31 Mai; 2 Juin; 7 Juin; 8 Juin.
Le Moniteur universel. 1812. 24 Mai; 1 Juin.
Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris : Fayard, 2012–2014. T. 10, 12.
Napoléon I. Correspondance de Napoléon I-er. Paris : H. Plon, J. Dumaine, 1868. T. 23.
Napoléon. Lettres inédits de Napoléon à Marie-Louise. 1810–1814. Paris : Bibliothèques Nationales de France, 1935.
Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et la Grande Armée pendant l'année 1812. 4-ème éd. Paris ; Bruxelles : Baudouin Frères, 1825. T. 1.
SHD. 2C 124–125.

Исследования

- Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб. : Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко., 1859. Т. 1.
Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е. В. Соч. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7.
Schuermans A. Itinéraire général de Napoléon 1er. Paris : Jouve, 1911.
Thiers L. A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris : Paulin libraire, 1856. T. 16.
Tular J., Garros L. Itinéraire de Napoléon au jour le jour. 1769–1821. Paris : Tallandier, 1992.
Vandal A. Napoléon et Alexandre I. Paris : Plon, 1896. T. 3.

References

- Bogdanovich, M. I. (1859). *Istoriia otechestvennoi voiny 1812 goda po dostovernym istochnikam* [The History of the Patriotic War of 1812 according to Reliable Sources] (Vol. 1). St Petersburg: Tip. Torgovogo doma S. Strugovshchika, G. Pokhitonova, N. Vodova & Co. (In Russian)
- Schuermans, A. (1911). *Itinéraire général de Napoléon 1er*. Paris: Jouve. (In French)
- Tarle, E. V. (1959). *Nashestvie Napoleona na Rossiiu* [Napoleon's Invasion of Russia]. In E. V. Tarle, *Sochineniya* [Writings] (Vol. 7). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)
- Thiers, L. A. (1856). *Histoire du Consulat et de l'Empire* (Vol. 16). Paris: Paulin libraire. (In French)
- Tular, J., & Garros, L. (1992). *Itinéraire de Napoléon au jour le jour. 1769–1821*. Paris: Tallandier. (In French)
- Vandal, A. (1896). *Napoléon et Alexandre I* (Vol. 3). Paris: Plon. (In French)

Земцов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Уральский государственный педагогический
университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

Zemtsov, Vladimir Nikolaevich

Dr. Hab. (History), Professor,
Head of the Department of General History
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
Email: vladimirzemtsov@yandex.ru
Scopus ID: 56769688600